

А.Э. Лиманская, П.К. Тромбчиньски

ОБРАЗ ОТЦА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ МУЖЧИН С РАЗЛИЧНОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ ИЗ ПОЛНЫХ СЕМЕЙ

Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9)

Актуальность. В силу растущей распространенности неполных семей в последнее время исследователи все чаще сосредотачиваются на фигуре отсутствующего отца, тогда как еще не до конца решен вопрос о вкладе отцовских практик воспитания в формирование и функционирование психологического пространства сына в полных семьях. Незавершенным остается и вопрос о качестве и механизмах влияния фигуры отца на психосексуальное развитие сына и паттерн привязанности.

Цель – изучить индивидуально-психологические особенности личности у мужчин с различной сексуальной ориентацией, выросших в полных семьях, в соотношении с характеристиками их отцовской фигуры.

Методология. Для изложения текущего состояния понимания проблемы проведен обзор научных статей, опубликованных в период с 2000 по 2019 г. в электронных базах данных. В соответствии с целью исследования нами было представлено описание трех случаев, включающих мужчин с разной сексуальной ориентацией, выросших в полных семьях. Исследование проводилось с помощью клинической беседы, а также с использованием стимульного материала методики «Незаконченные предложения».

Результаты и их обсуждение. Рассмотрена актуальность проблемы образа отца, его психологические аспекты; дан краткий анализ исследования трех кейсов, включающих мужчин различной сексуальной ориентации, выросших в полных семьях; описаны результаты исследования их образа себя и образа партнера; соотнесены картины семейной среды и романтических отношений, а также приведены потенциальные направления психотерапевтической работы.

Заключение. Проработка неадаптивных паттернов и последующих проблем в межличностной коммуникации может стать одним из перспективных направлений психотерапевтической работы с респондентами, чей образ отца окрашен негативно, а картина семейных отношений дисгармонична.

Ключевые слова: образ отца, образ себя, детско-родительские отношения, дисгармоничное воспитание, типы привязанности, мишени психотерапии.

Введение

Как зарубежных, так и отечественных исследований образа отца по-прежнему недостаточно, и в основном они проводятся на выборке детей и подростков, тогда как на взрослой выборке почти не представле-

ны. Тем не менее обнаружено, к примеру, что при наличии принимающего и утешающего отца в ситуации эмоционального стресса, гнева или печали дети в дальнейшем менее склонны к негативным эмоциональным состояниям. Взаимодействие отца и ребенка

✉ Лиманская Алина Эдуардовна – студент каф. мед. психологии и психофизиологии, С.-Петерб. гос. ун-т (199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9); e-mail: allimane15@gmail.com;

Тромбчиньски Петр Крыстиан – канд. психол. наук, доц. каф. мед. психологии и психофизиологии, С.-Петербург. гос. ун-т (199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9); e-mail: p.trombchinski@spbu.ru

и совместный поиск социальных возможностей достоверно предсказывают будущую социальную компетентность ребенка [15].

Рядом исследований были установлены три основные закономерности, указывающие на важность более глубокого изучения картины отношений ребенка с его отцовской фигурой, а именно: можно говорить о том, что отцы больше, чем матери, склонны реагировать на детей в зависимости от их пола; больше, чем матери, обеспокоены гендерной конформностью своих детей и больше, чем матери, склонны дифференцировать свои модели поведения между дочерьми и сыновьями. Полученные данные также свидетельствуют о том, что гендерное ролевое поведение как у мужчин, так и у женщин в большей степени зависит от качества их отношений с отцами, чем с матерями [10, 14].

Существенным и неразрешенным остается и вопрос о качестве и механизмах влияния фигуры отца на психосексуальное развитие сына. Хотя психоаналитический подход традиционно базирует свое представление о формировании гомосексуальности на фигуре «слабого отца», ряд современных исследований показывает, что гомосексуальность сына скорее может быть ассоциирована с фигурой эмоционально отстраненного, холодного и сверхконтролирующего отца [2, 3, 13, 17].

Хотя в последнее время исследователи все чаще сосредотачиваются на влиянии отсутствия в структуре семьи отца, не решен до конца вопрос о вкладе отцовских практик воспитания в формирование и функционирование психологического пространства сына в полных семьях [11]. Недостаточно и исследований, посвященных анализу отцовского вклада в развитие ненадежных типов привязанности.

Психологические аспекты отцовской фигуры и ее влияние на психологическое пространство личности: обзор литературы

Наиболее существенные для анализа детско-родительских отношений психологические аспекты родительской фигуры И.М. Марковская в 1998 году положила в основу опросника для диагностики особенностей

взаимодействия родителей и детей [4]. Эти аспекты выступают эффективными критериями для оценки взаимодействия родителей с детьми и включают в себя требовательность родителя, строгость родителя, уровень контроля по отношению к ребенку, эмоциональную близость родителя, принятие ребенка родителем, сотрудничество, согласие с ребенком, последовательность (надежность), авторитетность и уровень удовлетворенности ребенка отношениями с родителем.

Качественное времяпрепровождение отца и ребенка повышает самооценку формирующейся личности, уверенность в себе, социальную компетентность, эмоциональный интеллект и жизненные навыки. Эмоциональный обмен между отцом и ребенком во время игрового взаимодействия помогает детям распознавать эмоциональные сигналы и одновременно контролировать выражение эмоций в рамках оптимального аффекта; из этого контакта ребенок узнает о роли эмоций в контексте отношений, что в дальнейшем отражается на принятии его сверстниками и наоборот [18].

Младшие подростки 8–13 лет с депрессивными проявлениями оценивают своих отцов как менее заботливых и более контролирующих [12]. Подростки с повышенным уровнем тревоги чаще оценивают отца как требовательного, доминантного и ненадежного. Тогда как эмоционально благополучные подростки позитивно воспринимают отца, особенно отмечая такие его качества, как заботливость и принятие [7].

Исследования Вассермана, Подольского и коллег выявили связь между отдельными аспектами воспринимаемых подростками воспитательных практик отца с выраженностью у них симптомов депрессии, тревоги, делинквентности [1, 6]. Было показано, что высокая вовлеченность отца в детстве коррелирует с более низким уровнем антиобщественного поведения и злоупотребления психоактивными веществами в подростковом возрасте [16]. Подростки, демонстрировавшие высокую идентификацию с отцом, на 80 % реже попадали в тюрьму и на 75 % реже становились родителями вне брака [9].

В отечественной традиции особое внимание уделяется неправильным типам семейного воспитания, а родительские практики зачастую рассматриваются как источник невротизации ребенка. Так, следствием гиперопеки становятся тревожность, депрессивные расстройства, соматизация («бегство в болезнь»). Вследствие чрезмерной вовлеченности родителя и постоянных ограничений свободы у ребенка формируется и поддерживается привычка к избеганию, восприятие нового как опасного, неумение верно оценить реальную угрозу и приспособиться к ней. Безусловно невротизирующей признается враждебная практика воспитания. Постоянное недовольство, неодобрение и обесценивание чувств ребенка приводят к формированию деструктивного и саморазрушающего поведения. Российские исследователи выделили три родительских стратегии, наиболее существенно невротизирующих ребенка: это «отказ от дифференциации», при котором в семье регистрируется недопущение конфликта различий, предпочтение «одинаковости», «все хорошо, если мы не имеем различий»; «сопровождение тревогой» с сопутствующими недоверием к ребенку и чрезмерным контролем его деятельности; «переделывание ребенка», основной смысл которого состоит в оценке свойства ребенка или его способа действий как недостаточно хорошего и их исправлении [8].

Исследования показывают, что господствующий в сознании сыновей образ отцовской фигуры теснее связан с их отношением к специфически сексуальным аспектам межполового взаимодействия, чем образ материнской фигуры, а также, что гетеросексуалы, независимо от пола, показывают большее отличие от гомосексуалов в особенностях отношений с отцовской фигурой, нежели с материнской [13]. Российское исследование связи образа отца с полоролевой идентификацией сыновей указывает на то, что эмоционально негативный или амбивалентный отцовский образ у подростка однозначно выступает неблагоприятным фактором, а именно – показано, что сверхконтролирующий отец затрудняет полороле-

вую идентификацию младших подростков-мальчиков и усиливает их эмоциональное неблагополучие [2]. Канадское исследование среди католиков-семинаристов показало, что гомосексуальные семинаристы демонстрировали значительно более низкий уровень близости со своими отцами, чем гетеросексуальные. В отношении матерей таких различий не было. Хотя направленность данной корреляции нельзя установить однозначно, эти результаты не только придают новое значение психоаналитической теории гомосексуальности и важности однополой эмоциональной связи в психосексуальном гендерном развитии мужчин, но и потенциально включают гомосексуальных мужчин в группу риска по многим параметрам психологического и социального неблагополучия [17].

Одним из дополнительных факторов травматизации в семейной среде, с которыми сталкивается гомо- или бисексуальный сын, является необходимость скрывать свою идентичность перед близкими людьми либо столкнуться с последствиями раскрытия ее своей семье. Исследования показывают, что если матери склонны открываться около 41% юношей, то лишь менее 15% юношей доверились в этом своему отцу [3, с. 276]. Кроме того, ребенок, не склонный к конформной стратегии поведения по ходу взросления, также будет чаще сталкиваться с невротизирующими практиками воспитания в родительской семье, или принудительное соответствие конформной стратегии поведения будет выступать отдельным невротизирующим фактором для личности. Эти факторы дополнительно усложняют установление эмоциональной связи и идентификации сына с отцом, вследствие чего можно ожидать, что область отношений с отцовской фигурой будет одной из наиболее конфликтных у негетеросексуального мужчины и потребует особого внимания в психотерапевтической и психокоррекционной работе.

Материал и методы

Нами было проведено исследование трех случаев с целью изучения влияния характеристик отцовской фигуры на инди-

видуально-психологические особенности личности, такие как образ себя, образ партнера и картина романтических отношений, у мужчин с различной сексуальной ориентацией, выросших в полных семьях. Методы исследования подбирались в соответствии с целью, задачами, спецификой объекта и предмета исследования. Исследование проводилось с помощью клинической беседы с включением стимульного материала методики «Незаконченные предложения», адаптированной в лаборатории медицинской психологии Ленинградского НИИ психоневрологии им. В.М. Бехтерева [5]. Качественный анализ результатов данной проективной методики позволил выявить наиболее напряженные конфликтные сферы отношений индивида и прицельно исследовать характер конфликта. Для целей данного исследования часть предложений были переформулированы с учетом сексуальных и романтических предпочтений респондентов. Интервью проводилось лично или посредством видеосвязи.

Результаты и их анализ

Приведем три кейса респондентов с различной сексуальной ориентацией и качественно проанализируем показанные ими результаты и глубинные интервью.

Первый респондент бисексуален. Родной ребенок, живет с родителями. Родительская семья И. состоит из матери, отца, старшего и младшего братьев и бабушки по материнской линии. В семье никто не знает о его сексуальной ориентации, однако респондент открылся некоторым близким друзьям. И. сообщает, что мать принимала больше участия в его воспитании и с ней он был ближе всего из взрослых. Конфликты у него чаще возникали с отцом. И. – средний ребенок в семье с тремя детьми. Отец И. – требовательная фигура, однако в меру строгая и не слишком контролирующая: в детском и подростковом возрасте он предоставлял И. достаточно высокий уровень автономии по сравнению с его сверстниками. Однако отец И. эмоционально холоден, отстранен и не вовлечен

в жизнь своего сына, он практически отсутствует в ней. Такое сочетание характеристик, как требовательность при высокой автономии, эмоциональной дистантности и отсутствии сотрудничества, указывает на то, что присутствие отца в жизни сына здесь скорее формальное. Кроме того, отец И. – непоследовательная, ненадежная фигура. Можно ожидать, что эпизоды кажущегося принятия сменялись эпизодами тотального дистанцирования. В целом И. не удовлетворен отношениями с отцом, не идентифицирует себя с ним и не считает его авторитетной фигурой.

Респондент отмечает, что в детстве отец особо никак не участвовал в его жизни по причине постоянной занятости на работе, дома присутствовал в свободное от работы время и в основном занимался собой. Когда И. находился в подростковом возрасте, его отец поднялся по карьерной лестнице и стал много выпивать со своим другом, применять к матери физическое насилие. Характеристики образа отца, который описывает И., можно свести к недоступной, ненадежной, формально присутствующей, психологически отсутствующей фигуре («иногда как будто два разных человека: один нам там завтрак приготовит, есть позовет, а потом резко отключается и сидит дальше играет»). Его участие в своей сознательной жизни И. описывает с точки зрения материального обеспечения и трансляции картинки «хорошей» семьи вовне («дарил на день рождения дорогие подарки... иногда водил нас в ресторан... но это было исключительно потому, что приезжала проверка из Москвы, просто выгул, показать, что он такой вот хороший»). Моментов близости, положительных событий в отношениях с отцом И. не помнит.

В целом в семейной среде И. играет роль забытого, оставленного ребенка конфликтующих родителей, существующего само по себе и развившего в ответ на такого рода травмирующую ситуацию копинги по типу эмоционального отстранения. При попытке актуализировать образ себя-ребенка наблюдается активное эмоциональное отстранение и высокая формализация отве-

тов (на незаконченное предложение «Когда я был ребенком...» отвечает: «...я был маленьким»). О себе говорит, что не привык делиться своим личным, обычно переживает все «сам в себе» и «сам с собой» все переносит – в этих словах ярко демонстрируется предпочтительное использование копинг-режимов по типу отстранения. Образ себя у И. как будто бы отделен от других людей стеной, лишен способности к близости, но при этом он испытывает довольно сильные эмоции, стремящиеся вовне. Сконцентрированность на собственных непрожитых переживаниях загоняет И. глубже в такой «эмоциональный вольер», но в то же время любые возникающие эмоции И. склонен воспринимать как слабость, подавлять внутри себя, замыкая порочный круг («хочется, чтобы кто-то взял и решил твои проблемы, бывают такие слабости... но через некоторое время понимаешь, что никто твои проблемы не решит»). Стремление И. к самостоятельному превозмоганию тесно сплетается с желанием «повзрослеть», стать «сильным», вырваться из роли «маленького», наблюдателя семейных конфликтов, в которой прошло его детство («на всем этапе взросления все время есть препятствия, то, что нужно превозмочь, победить»; «[идеалом мужчины для меня является] сильный, не в физическом плане, а эмоционально должен многое пережить, превозмочь»; «[больше всего я хотел бы в жизни] уехать отсюда»).

В романтических отношениях у И. высока ориентация на покинутость, ожидание исхода, в котором он остается один. Сам И. объясняет это географическим положением города проживания, однако даже на расстоянии не преуспевает в том, чтобы сохранить отношения. На романтические отношения смотрит скорее со стороны, из позиции равнодушного наблюдателя: в его повествовании не звучит активного стремления к близости, как и ее активного избегания, поиск скорее пассивный, тема близости фоновая и эмоционально бедная, формальная («[когда я вижу людей в отношениях] умиляюсь»; «[совместная жизнь с партнером кажется мне] неплохим вариантом»)). В партнере И.

ищет эмоциональную отдачу и проявляет себя в роли покинутого альтруистического дарителя («ты даришь себя полностью человеку, пытаешься дать ему то, что ему требуется, пожертвовать своим временем, но человек просто принимает это и в ответ ничего не дает, а хотелось бы видеть отдачу»). Вероятно, предпочтение данной роли в романтических отношениях у И. связано с тем, что он с детства не привык получать эмоциональный отклик и стремится к холодным, недоступным, сугубо принимающим партнерам обоого пола.

Второй респондент гомосексуален. В детстве и подростковом возрасте значимыми мужскими фигурами называет тренеров. О сексуальной ориентации Н. знают его друзья и мать, от отца он эту информацию скрывает. Родители Н. живут вместе; Н. сообщает, что оба родителя принимали одинаковое участие в его воспитании, однако ближе всего он был с матерью. Конфликты чаще всего возникали с отцом. Н. – единственный ребенок в семье. Отец Н. – требовательная, властная, авторитарная, контролирующая фигура, при этом отец эмоционально холоден и отстранен, не вовлечен в жизнь своего сына и активно отвергает его. Отец Н. характеризуется высокой последовательностью в своем поведении, и следует ожидать, что отвергающий, холодный и контролирующий паттерн был свойствен отношениям отца и сына на протяжении всего процесса воспитания. Н. глубоко не удовлетворен отношениями со своим отцом и отвергает идентификацию с ним.

В картине отношений с отцом герой нарратива Н. всегда выступает заведомо проигравшим, не видит в себе силы противостоять, при этом постоянно ощущает себя покинутым и незащищенным и существует преимущественно в режимах Уязвимого ребенка (в диаде отец – сын) и Сердитого ребенка (в триаде отец – мать – сын). Ведущим конфликтным режимом в структуре личности Н. выступает интроспекция отца – Требовательный родитель, который продолжает внутренне требовать соответствия идеальному плану, абстрактному недостижимому

образу идеального сына и вызывает активацию копинга «Высокомерный самовозвеличитель», из которого Н. направлен на поиск социальной валидации и одобрения путем имитации активной деятельности и вовлеченности в жизнь, а также детского режима Необузданного ребенка, где Н. саботирует давление Требовательного родителя, направляет активную деятельность в импульсивное, эскапистское русло. По всей видимости, именно этот внутренний конфликт может быть ответствен за выраженную пограничную организацию данной личности.

Говоря о самовосприятии, стоит отметить, что респондент не принимает свою ориентацию, считает ее отклонением, стыдится себя и ощущает вину по этому поводу («мама могла бы и запомнить, что у меня какие-то отклонения», «если бы мне предложили сменить ориентацию, я сказал бы “да”»). Основная тягота, связанная с собственными сексуальными предпочтениями для Н. – это невозможность создать «нормальную» семью, с партнером и родным ребенком, по этому поводу он глубоко переживает, может отстраняться от социума неделями, тяжело реагирует на счастье своих друзей в отношениях. Глубокое убеждение в собственной дефективности порождает у Н. множество когнитивных искажений и создает ощущение, что он намеренно саботирует существующие варианты разрешения трудностей. Роль Уязвимого ребенка, тема слабости и необходимости в защите предсказуемо «кочует» в разговор о романтических отношениях. У данной личности роль в романтических отношениях и роль в семейной среде не разведены: в ответ на просьбу рассказать про тренера, выступившего в роли отцовской фигуры для Н. в определенный период жизни, он говорит о том, что сравнивал своих тренеров с отцом, оценивал с позиции «Каким бы был мой папа, если бы папа был хорошим», однако при этом упоминает, что «смотрел на них уже как на мужчин», и отождествляет тот момент с осознанием гомосексуального влечения. В значимых мужских фигурах Н. ищет защиту, желание и способность выслушать, поддержать эмо-

ционально, приободрить и наставить, при этом возникает впечатление, что самооценка Н. наиболее высока именно в тех отношениях, где он может безопасно из позиции Уязвимого ребенка получить опеку более зрелого партнера. Можно говорить о том, что Н., по сути, бессознательно стремится к романтическим отношениям как к среде для организации ограниченного родительства. Год назад Н. перенес тяжелое расставание с партнером, которого сам характеризует как «любовь всей своей жизни», и сейчас в свое будущее Н. смотрит из позиции брошенного и преданного человека, убежденного в том, что любые его отношения будут заканчиваться одинаково. При этом существует некоторое противоречие, ведь Н., несмотря на то что заранее настроен на их провал, активно ищет новых отношений («...чего я ищу в партнере? Да мне бы уже хоть чего-нибудь найти»). Разрыв серьезных отношений с идеализированным партнером Н. ощущает как крах собственной личности и крах надежд на будущее, что в целом свойственно пограничной личности («все катится в тартарары какое-то, и я не понимаю, что дальше делать, куда идти»).

Третий респондент гетеросексуален, не женат, детей нет. Родительская семья Р. состоит из матери, отца и двух младших сестер. Родители Р. живут вместе; Р. сообщает, что мать и бабушка принимали больше участия в его воспитании и с матерью он был ближе всего из взрослых. Конфликты чаще всего возникали с отцом. Р. – старший ребенок. Отец Р. в меру требователен и в меру строг, высоко последователен в своем поведении. Его нельзя назвать контролирующим, так как он предоставлял Р. достаточно высокий уровень автономии по сравнению со сверстниками. Отец Р. является активно отвергающей фигурой, эмоционально холоден, отстранен и не вовлечен в жизнь своего сына. Р. не удовлетворен отношениями с отцом, не идентифицирует себя с ним, отец не является для него авторитетом.

Характеристики образа отца Р. сводятся к отвергающей, враждебной, отсутствующей фигуре («я как-то положительных моментов

особо и не помню, либо его вообще не было, либо какие-то проблемы с ним»). Отец Р. – полицейский и часто отсутствовал дома, уезжая в длительные командировки в горячие точки, но, несмотря на физическое отсутствие, образ отца с негативной коннотацией ярко существует в психологическом пространстве Р. Отец Р. наиболее показательно для сына проявлял себя в конфликтных отношениях со своей супругой, его матерью, а с сыном общался по формальным поводам, короткие периоды насыщенного «участия» отца в жизни Р. характеризовались постоянными противостояниями на почве финансовых затрат, учебы и образа жизни. В психическом пространстве данной личности отец существует как навязанный антагонист и выступает постоянным источником фонового напряжения, потому как прямой конфликт с ним, тянущийся с самого детства, так и не разрешается для Р. Незаконченное предложение «Я хотел бы, чтобы мой отец...» Р. продолжает следующим образом: «...перестал меня доносить, прекратил бы вообще в принципе со мной общаться. Мне не хочется его вообще в принципе видеть, но приходится».

Образ себя данного респондента отмечает высокое стремление к уединению наряду с высокой эмоциональной депривацией и ощущением покинутости («[я мог бы быть очень счастливым, если бы] уединился»; «[когда я был ребенком, то] часто был один»; «[в школе мои учителя] игнорировали меня... в любом случае, когда к тебе так относятся, меньше внимания – это вообще здорово»). Несформированность идентичности ярко проявляет себя в непреодолимых затруднениях давать ответы на незаконченные предложения, характеризующие сферу романтических отношений и сферу страхов, в высокой абстракции ответов на предложения из сфер прошлого, будущего, идеального и реального «Я».

Картина романтических отношений у данной личности отрицательная, отношение к близости – избегающее («[когда я вижу женщину рядом с мужчиной, то] я не думаю об этом»; «[супружеская жизнь кажется мне] отягчающей»). При детальном расспросе на

эту тему Р. объясняет, что браком не хочет связывать себя «принципиально». На вопрос о романтическом партнерстве говорит, что иногда чувствует потребность в интимном общении, а иногда ему кажется, что это «полностью бессмысленно». Избегающее отношение к близости и стремление к уединенному образу жизни у данной личности может объясняться глубокой эмоциональной депривацией с детства, хроническим неудовлетворением эмоциональных потребностей ребенка родителями в раннем возрасте, отсутствием положительных моделей семейной и супружеской жизни, активным отвержением идентификации со своей отцовской фигурой, ощущением постоянного напряжения и усталости от нахождения в конфликтной семейной среде.

Заключение

Таким образом, у всех троих респондентов образ реального отца окрашен негативно и отчетливо звучит тема психологически отсутствующего отца.

В первом случае отец присутствует чисто формально, однако его психологическая недоступность обусловлена нестабильностью, ненадежностью данной фигуры; во втором случае присутствие отца давящее и тираническое, со все той же эмоциональной отстраненностью, и здесь психологическая недоступность основана на активном отвержении со стороны недовольного отца и на пассивном страхе со стороны уязвимого ребенка; в третьем случае отец отсутствует даже формально, а на его месте присутствует конфликтная, враждебная фигура, которой, по субъективному ощущению респондента, лучше бы не было в его психологическом пространстве.

Результатом влияния ненадежного отца на сына в первом случае становится равно нестабильный, разнонаправленный образ себя с противоборствующими стремлениями к полной сепарации и поддержке, опеке со стороны партнера. Данное влияние может быть ответственно за соответствующие проблемы сына в межличностных отношениях,

страх ответственности со стремлением к эмоционально недоступным, непостоянным партнерам и краткосрочным отношениям.

Контролирующий отец во втором случае созидает сына, стремящегося к получению одобрения за пределами семьи любым путем, к постоянной валидации вовне, которая по механизму гиперкомпенсации превращается в устремление к симбиотическому слиянию с идеализированным опекающим партнером, способным предоставить необходимое отеческое одобрение, и при потере этого партнера приводит к катастрофическому удару по самооценке сына.

Враждебный отец в третьем случае формирует сына, живущего в состоянии активного конфликта, в режиме выживания, с преобладающими эмоциями гнева и импульсивности, не желающего принимать традиционную семейную модель и замкнутого в себе, тормозит здоровое формирование идентичности, развивает механизмы отрицания и вызывает желание сбежать из небезопасного окружения.

В случаях респондентов, в чьи сексуальные предпочтения входят партнеры мужского пола, можно также наблюдать тенденцию к неосознанному поиску в потенциальном партнере присущих дисгармоничному отцовскому образу качеств, наряду с сознательным конструктивным поиском качеств, позволяющих удовлетворить те эмоциональные нужды, которыми в семейном окружении сына пренебрегали. Так, в первом случае, хотя респондент и высказывает вслух, что хотел бы встретить партнера, способного дать эмоциональный отклик, на деле же он из раза в раз выстраивает поверхностные отношения с эмоционально недоступными и непредсказуемыми людьми и занимает в них привычную для себя роль «дающего, но не получающего ничего взамен». Во втором случае респондент ищет заботливого, опекающего партнера – на первый взгляд, полную противоположность отцовскому образу, однако здесь же звучит требование к партнеру быть сильной, авторитарной личностью, которая станет «каменной стеной», целиком возьмет на себя ответствен-

ность в отношениях и позволит респонденту и дальше пребывать в привычном для себя режиме слабого, уязвимого ребенка, нуждающегося в защите и воспитании.

Все три случая иллюстрируют то, как следствием дисгармоничных детско-родительских отношений становится формирование ненадежных типов привязанности и возникновение проблем в установлении и поддержании интимных отношений. Так, в первом случае сочетание негативного образа себя и недоверия к партнеру порождает двойное отношение к близости, характерное для тревожно-избегающего типа привязанности. Во втором случае неуверенность в себе и желание высокой степени эмоциональной близости с партнером создает поведение, свойственное людям с тревожным типом привязанности. Третий респондент в результате защитной реакции склонен позитивно оценивать себя и негативно – потенциальных партнеров, стремиться к побегу от социальных связей и к уходу во внутренний мир. Такая стратегия поведения чаще всего характеризует избегающе-отвергающий тип привязанности. Проработка этих паттернов, неадаптивных стратегий поиска романтического партнера и последующих проблем в межличностной коммуникации может стать одним из перспективных направлений психотерапевтической работы с респондентами, чей образ отца окрашен негативно, а картина семейных отношений дисгармонична.

В нарративном плане в описанных нами случаях первый сын капитулировал перед нестабильным, ненадежным отцом, а сыновья контролирующего и враждебного отцов пребывают в состоянии противостояния со своей отцовской фигурой, причем противостояние контролирующему отцу скорее пассивное и комбинируется с желанием оправдать отца и добиться его одобрения, а противостояние враждебному отцу наиболее активное и направлено на стремление стереть его из своего психологического пространства.

В вопросе про идеального отца все три респондента называют качества, в которых, по их мнению, было отказано их собственному отцу. Первый сын рисует картину вов-

леченного, принимающего активное участие в жизни сына, помогающего, интересующегося и старательного отца – в общем, присутствующего не только формально. Второй сын называет ведущим качеством идеального отца понимание своего ребенка, восстаивая против излишнего, давящего

участия, делая выбор в пользу более мягкого, направляющего, эмоционально чуткого наставничества. Для третьего сына идеальный отец – это отец «нормальный», под которым он понимает человека, готового слушать и «адекватно» разговаривать, без постоянных упреков, – словом, это отец безопасный.

Литература

1. *Вассерман Л.И., Горьковая И.А., Ромицына Е.Е.* Родители глазами подростка // Психологическая диагностика в медико-педагогической практике. СПб.: Речь, 2004. 256 с.
2. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевою идентичность подростков // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 15–26.
3. Кон И.С. *Любовь небесного цвета*. СПб., 2001.
4. Марковская И.М. *Тренинг взаимодействия родителей с детьми*. СПб.: Речь, 2005.
5. Пахомов А.П. Методика «Незаконченные предложения» Сакса-Леви как учебное пособие // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 4. С. 99–116.
6. Подольский А.И., Идобаева О.А., Хейманс П., *Диагностика подростковой депрессивности: теория и практика*. СПб.: Питер, 2004. 202 с.
7. Прихожан А.М. *Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика*. М.; Воронеж, 2000. 304 с.
8. Рагулина О.А., Фокина А.В., *Родительские практики, способствующие появлению неврозов у детей* // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 46–53. DOI:10.17759/jmfp.2017060205.
9. Allan S., Daly K. *The Effects of Father Involvement: An Updated Summary of Research Evidence*. Guelph: The Father Involvement Research Alliance, (FIRA) Centre for Families, Work & Well-Being, University of Guelph, 2007.
10. Biller H.B. *Father, Child, and Sex Role*. Lexington, Mass., 1971.
11. Corneau G. *Absent Fathers, Lost Sons*. Boston, 1991.
12. Greco L.A., Morris T.L. *Paternal Child-Rearing Style and Child Social Anxiety: Investigation of Child Perceptions and Actual Father Behavior* // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 2002; (24): 259–267. DOI: 10.1023/A:1020779000183.
13. Johnson M.M. *Heterosexuality, Male Dominance, and the Father Image* // Sociological Inquiry. 2007; 51 (2): 129–139. DOI: 10.1111/j.1475-682X.1981.tb01036.x.
14. Lamb M.E., Lamb J.E. *The nature and importance of the father-infant relationship* // The Family Coordinator. 1976; (25): 379–385. DOI:10.2307/582850.
15. Leidy S.M., Schofield T.J., Parke R.D. *Fathers role in children's social development / Handbook of Father Involvement: Multidisciplinary Perspectives*. New York: Routledge, 2013. P. 135–150.
16. Sánchez Huesca R., Guisa Cruz V.M., Cedillo González A., Pascual Blanco Y. *Imagen del padre en varones usuarios de sustancias [The father image in male substance users]* // Actas Esp Psiquiatr. 2002; 30 (1): 36–42. (In Spanish)
17. Seutter R., Rovers M. *Emotionally Absent Fathers: Furthering the Understanding of Homosexuality* // Journal of Psychology and Theology. 2004; (32): 43–49. DOI: 10.1177/009164710403200105.
18. Sriram R. *Setting the Scene: The Need for Focus on Fathers and Fathering* // Fathering in India. 2018: 3–17. DOI: 10.1007/978-981-13-1715-6_1.

Поступила 25.03.2023 г.

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Участие авторов: А.Э. Лиманская – анализ литературы по теме исследования, разработка дизайна, организация и проведение эмпирического исследования, анализ и обобщение результатов, подготовка первого варианта статьи; П.К. Тромбчиньски – введение, доработка и редактирование окончательного варианта статьи.

Для цитирования: Лиманская А.Э., Тромбчиньски П.К. Образ отца и психологические особенности личности мужчин с различной сексуальной ориентацией из полных семей // Вестник психотерапии. 2023. № 86. С. 81–91. DOI: 10.25016/2782-652X-2023-0-86-81-91

A.E. Limanskaia, P.K. Trabczynski

Father image and individual psychological characteristics in men with different sexual orientation from complete families

Saint Petersburg State University (7–9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia)

✉ Alina E. Limanskaia – Student, Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (7–9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia); e-mail: allimane15@gmail.com;

Piotr Krystian Trabczynski – PhD, Associate Prof., Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (7–9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia); e-mail: p.trombchinski@spbu.ru

Abstract

Relevance. Due to the growing prevalence of single-parent families, recently researchers have increasingly focused on the figure of the absent father, while the question of the contribution of paternal parenting practices to the formation and functioning of the psychological space of the son in complete families has not yet been fully resolved. The question of the quality and mechanisms of the influence of the father figure on the psychosexual development of the son and his attachment style also remains unresolved.

Purpose – to study the individual psychological characteristics in men with different sexual orientations who grew up in complete families, in relation to the traits of their father figure.

Methodology. To present the current state of understanding of the problem, a review of scientific articles published in the period from 1991 to 2019 in the electronic databases was conducted. In accordance with the purpose of the study, we presented a description of three cases involving men with different sexual orientations who grew up in complete families. The research methods included the clinical interview and the methods of unfinished sentences.

Results and Discussion. This article examines the relevance of the problem of the father image, its psychological aspects, and presents a brief analysis of the study of three cases, including men of different sexual orientation who grew up in full families, describing the results of the study of their self-image, father image and romantic partner image, compares their pictures of family environment and romantic relationship. Furthermore, the article shows opportunities for psychotherapy.

Conclusion. The study of maladaptive patterns and subsequent problems in interpersonal communication can become one of the promising areas of psychotherapeutic work with respondents whose father image is colored negatively, and family relations are disharmonious.

Keywords: father image, self-image, child-parent relations, disharmonious parenting styles, attachment styles, psychotherapeutic targets.

References

1. Vasserman L.I., Gor'kovaya I.A., Romitsyna E.E. Roditeli glazami podrostka [Parents through the eyes of a teenager]. Psikhologicheskaya diagnostika v mediko-pedagogicheskoi praktike. [Psychological diagnostics in medical and pedagogical practice]. Sankt-Peterburg, 2004. 256 s. (In Russ.)
2. Kalina O.G., Kholmogorova A.B. Vliyanie obraza ottsa na emotsional'noe blagopoluchie i polorolevuyu identichnost' podrostkov [The influence of the father's image on the emotional well-being and gender identity of adolescents]. Voprosy psikhologii [Questions of Psychology]. 2007; (1): 15–26. (In Russ.)
3. Kon I.S. Lyubov' nebesnogo tsveta [Love of heavenly color]. Sankt-Peterburg, 2001. (In Russ.)
4. Markovskaya I.M. Trening vzaimodeistviya roditeli s det'mi [Parent-child interaction training]. Sankt-Peterburg, 2005. (In Russ.)
5. Pakhomov A. P., Metodika "Nezakonchennye predlozheniia" Saksa-Levi kak uchebnoe posobie, Eksperimental'naia psikhologiya, Moskva, MGPPU, 2012. 5 (4): 99–116. (In Russ.)
6. Podol'skii A.I., Idobaeva O.A., Kheimans P., Diagnostika podrostkovoi depressivnosti: teoriya i praktika [Diagnosis of adolescent depression: theory and practice]. Sankt-Peterburg, 2004, 202 s. (In Russ.)

7. Prikhozhan A.M., Trevozhnost' u detei i podrostkov: psikhologicheskaya priroda i vozrastnaya dinamika [Anxiety in children and adolescents: psychological nature and age dynamics]. Moskva; Voronezh, 2000. (In Russ.)
8. Ragulina O.A., Fokina A.V., Roditel'skie praktiki, sposobstvuyushchie poyavleniyu nevrozov u detei [Parental practices that contribute to the appearance of neuroses in children]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology]. 2017; 6 (2). (In Russ.)
9. Allan S., Daly K. *The Effects of Father Involvement: An Updated Summary of Research Evidence*. Guelph: The Father Involvement Research Alliance, (FIRA) Centre for Families, Work & Well-Being, University of Guelph, 2007.
10. Biller H.B. *Father, Child, and Sex Role*. Lexington, Mass., 1971.
11. Corneau G. *Absent Fathers, Lost Sons*. Boston, 1991.
12. Greco L.A., Morris T.L. Paternal Child-Rearing Style and Child Social Anxiety: Investigation of Child Perceptions and Actual Father Behavior // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2002; (24): 259–267. DOI: 10.1023/A:1020779000183.
13. Johnson M.M. Heterosexuality, Male Dominance, and the Father Image // *Sociological Inquiry*. 2007; 51 (2): 129–139. DOI: 10.1111/j.1475-682X.1981.tb01036.x.
14. Lamb M.E., Lamb J.E. The nature and importance of the father-infant relationship // *The Family Coordinator*. 1976; (25): 379–385. DOI: 10.2307/582850.
15. Leidy S.M., Schofield T.J., Parke R.D. Fathers role in children's social development / *Handbook of Father Involvement: Multidisciplinary Perspectives*. New York: Routledge, 2013. P. 135–150.
16. Sánchez Huesca R., Guisa Cruz V.M., Cedillo González A., Pascual Blanco Y. Imagen del padre en varones usuarios de sustancias [The father image in male substance users] // *Actas Esp Psiquiatr*. 2002; 30 (1): 36–42. (In Spanish)
17. Seutter R., Rovers M. Emotionally Absent Fathers: Furthering the Understanding of Homosexuality // *Journal of Psychology and Theology*. 2004; (32): 43–49. DOI: 10.1177/009164710403200105.
18. Sriram R. Setting the Scene: The Need for Focus on Fathers and Fathering // *Fathering in India*. 2018: 3–17. DOI: 10.1007/978-981-13-1715-6_1.

Received 25.03.2023

For citing: Limanskaia A.E., Trabczynski P.K. Obraz otca i psihologicheskie osobennosti lichnosti muzhchin s razlichnoj seksual'noj orientaciej iz polnyh semej. *Vestnik psikhoterapii*. 2023; (86):81–91. (In Russ.)

Limanskaia A.E., Trabczynski P.K. Father image and individual psychological characteristics in men with different sexual orientation from complete families. *Bulletin of Psychotherapy*. 2023; (86):81–91. DOI: 10.25016/2782-652X-2023-0-86-81-91
